

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РУССКОГО ЗАСТОЛЬЯ

SYMBOLIC PROGRAMS OF RUSSIAN TABLEFUL

Zh. Andrievskaya

Summary: This article is devoted to the consideration of the symbolic programs of the Russian feast – such as the symbolism of unity (the state of "collectedness" in a single space, interpreted as a "meeting place"), the symbolism of community (a special state of "seeing-oneself-in-the-Other", becoming in communication with a "mirror" for a person), the symbolism of personal disclosure ("small revelation" – states in which a person shares his personally innermost or, on the contrary, masters the innermost innermost one), the symbolism of spiritual purity and sincerity (a state of liberating overcoming of emotional alienation between people, relaxedness), the symbolism of "spiritual nepotism" (a condition that is characteristic of the relationship of people in family terms, the phenomenon of "fraternization").

Keywords: symbolic programs, Russian national traditions, tableful, Russian spiritual culture, ethnic traditions.

Андриевская Жанна Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент, Ростовский государственный университет;
Докторант, Саратовский государственный университет
zhandan3@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящается рассмотрению символических программ русского застолья – а именно таких, как символизм единения (состояние «собранности» в едином пространстве, интерпретируемом в качестве «места встречи»), символизм общности (особое состояние «видения-себя-в-Другом», становящегося в общении «зеркалом» для человека), символизм личного раскрытия («малого откровения» – состояния, в которых человек делится лично-сокровенным или же, напротив, осваивает сторонне-сокровенное), символизм душевной чистоты и душевности (состояние раскрепощающего преодоления эмоциональной отчужденности между людьми, раскованности), символизм «духовной семейственности» (состояние, которое характерно для взаимоотношения людей в семейных терминах, феномен «братания»).

Ключевые слова: символические программы, русские национальные традиции, застолье, русская духовная культура, этнические традиции.

Тема русского застолья в первом приближении кажется темой достаточно клишированной и избитой; создаётся иллюзия, что никакие новые подходы не способны по-новому осветить природу русского застолья и сопряжённых с ним социальных и психологических феноменов, и тема русского застолья уже навсегда исчерпана в своей исследованности. Но ведь при этом даже самые начальные циклы проблематизации исследований данного феномена говорят о том, что он – феномен русского застолья – в действительности малоизучен, а если и изучен хотя бы на «удовлетворительном» уровне, то в аспектах культурологического анализа, так и не пришедшего, не приблизившегося к анализу философскому.

А тема русского застолья, в ходе разворачивания которого приняты самые тонкие, самые глубоко-личные символические и душевные акты, является отнюдь не исследованной в своих сущностных основаниях. Так, не секрет, что «в России интерес к изучению приема гостей и застолью возник практически в одно и то же время у представителей разных дисциплин» [Кабакова, С. 9]; в ряду этих дисциплин указывают такие, как литературоведение, историю и этнологию, и не замалчивается, что «безусловно, наибольшее количество публикаций посвящено традиционной для этнографии теме питания, как праздничного, так и повседневного» [Кабакова, С. 11]. Вместе с тем, глубинные философские (как нравственно-этические и ценностные, так и личностные) аспекты русского застолья всё ещё не становились предметом

специальных исследований, что придаёт настоящей теме особенную актуальность – а именно в стремлении выявить в философском (символическом, коммуникативном, личностном) аспекте характерные особенности русского застолья.

При этом с самого начала стоит указать, что символические программы, реализующиеся в разворачивании «русского хлебосольного приёма» и «русского застолья» не сводимы (не редуцируемы положительно) к психически девиантному поведению (отклонениям), к каким-либо формам бытового пьянства и пр. типам асоциального (психологически «девиантного») поведения, как это часто пытаются выставить в Западной поп-культуре, но, вместе с тем, при ряде неблагоприятных социальных условий, может вырождаться до такового.

1. Общая рамка.

Удивительно, но лишь только «некоторые наблюдатели иноземных нравов пишут и о застолье как социальном феномене» [Кабакова, С. 17]: а ведь именно социальная составляющая феномена русского застолья с характерным для него символическим строем взаимоотношений между участниками и является ключевой. Социальный – межличностный, символический и коммуникативный аспекты – и есть субстрат и поле того, что разворачивается в русском застолье.

«Русский народ славится своим гостеприимством.

Хозяева не скупятся на расходы, лишь бы достойно принять гостя, для них хлебосольство – дело чести» [Кабакова, С. 18]. Как бы ни брались за оценки этой символической стороны русского отношения к гостям, – как бы аксиологически не окрашивали, – но факт затратного, почти всегда неэкономного, приёма гостей, уже почти всегда налицо, что само по себе не оставляет условий для отвлекающих в сторону мыслей, и позволяет полностью его участникам сосредоточиться на коммуникации (общении).

Собственно социальные аспекты русского застолья (и русских традиций в хлебосольном приёме) раскрывают русское понимание жизни как перекрёстка линий судеб, перекрёстка дорог с теми или иным дорожными камнями-указателями, причём такого перекрёстка, который носит характер нестабильный, постоянно меняющийся, всегда незавершённый: это общее *соборное* за столом отчасти – уже по самому корню слова «соборное» – уже на языковом уровне родственно «соборности», то есть одной из фундаментальных аксиологических доминант русского мышления; «*собрать*» за *единым столом родственников или друзей есть акт, в первую очередь, символический и ценностный* – и фиксируется он в глубинных структурах русского мышления, – в этой связи неслучайно, что такие собрания осуществляются в особых календарных датах – религиозных и светских праздников, датах-символах.

В известном смысле, застолье – лишь повод для отправления социальных (и, т.с., символических) потребностей русского человека, это – площадка, на которой происходит «раскрытие-в-общении» в полном его цикле – от первоначального знакомства и установления контактов, до раскрытия глубинных и потайных уголков души человека, что происходит *в границах ментального пространства стола*.

2. Ментальное пространство стола

Указывают, что стол – «особо почитаемый предмет домашнего интерьера; место совершения основных домашних обрядов» [Топорков, С. 165]; более того, «стол осмысливается как место пребывания Бога или хлеба как Божьего дара» [там же] – а в ситуации русского застолья стол – это пространство, уравнивающее участников застолья, сопологающее их в единство совместного действия, где это *соположение* участников действия за одним столом имеет условием своей возможности мирные взаимоотношения между участниками – или же попытку их создать: «прием гостя как ритуал, нацеленный на «обезвреживание» несущего потенциальную опасность чужака»: [Кабакова, С. 5].

Указывают так же, что «стол является одним из наиболее значимых элементов предметного кода традицион-

ной культуры» [Мороз, А.Б., С. 36]: именно *стол* как особое ментальное пространство издревле выступает тем символическим фокусом, который как веретено наматывает особые мировоззренческие и ценностные смыслы: так, например, «образ вечного праздника регулярно возникает в описаниях русской жизни. Так, Казанова восхищается душевностью московских нравов: «Стол открыт для всех друзей, и приятель может, не церемонясь, привести с собой человек пять-шесть...»» [Кабакова, С. 22] – в этом смысле стол оказывается той «открытой площадкой», на которой разворачиваются встречи и знакомства, ведь неслучайно возникло русское выражение, в соответствии с которым с некоторыми людьми «за один стол не сядешь» – люди, с которыми порваны отношения, не допускаются к *соположению* за один «стол»: ведь за столом находятся *равные* между собой (пусть и при доминирующей роли хозяина-главы Дома), равные – то есть *со-положенные* за одним столом, который уже даже на пространственном уровне как бы «выравнивает» всех присутствующих (но, вместе с тем, происходит и распределение ролей между участниками происходящего действия, например, «когда гость впервые обедает в новом доме, ему всегда отводят почетное место по правую руку от хозяина» [Кабакова, С. 21.], но и в таких случаях – даже при дифференциации участников застолья, в том числе по половому признаку – происходит формирование *общего* пространства, в которое включены эти участники).

3. Психология русского застолья

Уже давно отмечено, что русское застолье – тончайший механизм отладки взаимодействия между его участниками; в его ходе может быть выявлена неискренность или же некая «духовная нечистоплотность» отдельных его участников. Русское застолье есть то социальное поле, на котором разворачивается как бы взаимное «прощупывание» его участников, где пристальный взгляд хозяина Дома (в некотором онтологическом, быть может, даже религиозном, нежели некотором узко-социальном смысле) как бы оценивает и «просматривает» участников – лиц, соположенных за столом; хозяин – или же Глава – дома, в котором происходит застолье, оказывается в положении, в котором «держит ответ» за всё, происходящее за этим его столом.

В случае, же если человек, что называется, «кривит душой», это проявляется в его взгляде и тех выражениях, которые он употребляет – неискренность и неестественность подачи тут – в русском застолье – проявляются крайне рельефно и отчётливо – надо лишь уметь считывать эту «кривизну души» по взгляду, жестам, мимике вообще, где через обнажение ужимок, «кривых» взглядов, выявляются неискренность, лицемерность, фальшь, двуличность, «криводушность» участников: русское застолье проявляет то, что скрыто в душах его участников, оно

как лакмусовая бумажка диагностирует содержание и состояние ума, сознания и души, – то есть духа в целом, – своих участников: либо напрямую, через открытый диалог, либо же косвенно по тем или иным побочным признакам.

Функция «прощупывания» участников в ходе русского застолья сохраняется и поныне – этот психологический аспект уже навсегда неустраним и неотчуждаем от исходного контекста застолья: так или иначе, оно выполняет «диагностические» функции, в которых почти всегда легко прощупать «духовную нечистоплотность» тех или иных своих участников: это и «кривой взгляд», и искусственность подачи в речевом аспекте, и туманность описания некоторых эпизодов собственной жизни, и размыто-неопределённые ответы на достаточно конкретные вопросы и пр. В этом аспекте русское застолье – феномен достаточно прагматичный, и, даже можно сказать, утилитарный – в его границах формируется мнение о других участниках, оно выполняет вполне приземлённые «диагностические» цели, но не сводится к ним.

4. Личностно-коммуникативная составляющая русского застолья

Русская пословица «когда я ем, я глух и нем» не имеет силы в праздничном застолье; более того, последнее разворачивается именно в своей коммуникативной составляющей, ведь «прием гостей – это акт межличностной коммуникации» [Кабакова, С. 12]. Очевидно, что русские люди, как правило, стараются держать на дистанции одних людей (как правило тех, с которыми «за один стол не сядешь»), и сблизиться с другими (с которыми, наоборот, собственно, и стремятся обыграть это «русское застолье»), а происходящее в этом общении *личностное раскрытие* в некотором смысле может быть даже названо «малым откровением», или, ещё более по-русски – «распахивающим нутро» действием.

Эта личностно-коммуникативная составляющая реализует функцию общения в точном смысле слова «общение» – включённые в него участники обозначают или же выявляют то *общее*, что у них имеется, формируются своего рода *общность* между людьми, а это, в свою очередь, – составляющая межличностного порядка, которая не сводится к психологии в узком, точном смысле этого слова – общность тут вырастает до личностного, а не узко-душевного уровня.

Осевая, личностно-коммуникативная, функция русского застолья реализует себя через механизмы коммуникации, но реализует себя не моментально, а в ходе некоторой истории развития этого межличностного контакта – в самом деле, ни один здравомыслящий человек не станет раскрывать своё «нутро» перед абы кем; последнее всегда происходит на поле общего опыта, об-

щей истории, общих дел – которого «шлейфа общности».

Тут же происходит и «калибровка» личностей – в частности, выявляется то, что впоследствии стоит обходить в коммуникации (например, проблемы, связанные с травматическим опытом тех или иных участников, жизненные тупики или ещё что-то из того, что обычно стараются не затрагивать в коммуникации). Происходящие в таких застольях консолидирующие процессы часто носят необратимый характер, нередко перетекают в неискоренимые отношения между людьми. Как это понятно, все эти функции просматриваются и в современности, – они явно исправны, и зарекомендовали себя на все времена.

5. Собственно символическая составляющая русского застолья

Русское застолье в этом смысле – это всегда перекрёсток жизненных путей и человеческих судеб, которые на самом этом судьбоносном перекрёстке общаются и сопологаются в рамках единой «встречи»; это *событие «встречи»* само по себе уже всегда аксиологически окрашено, и является вмещителем устойчивых смыслов русской культуры, особенно в аспекте осмысления человеческих жизненных путей и происходящих на этих путях событий – драматических или каких-либо иных, но всякий раз предписанных «по судьбе».

Не секрет, что практика «русского застолья», содержит, имплицитно в себе реализующийся в этой практике аксиологический аспект символических программ, а именно такие символические программы, как:

- символизм единения: состояние «собранности» в едином пространстве, интерпретируемом в качестве места встречи;
- символизм общности: состояние «видения-себя-в-Другом», становящегося в общении «зеркалом» для человека;
- символизм личностного раскрытия («малого откровения»): состояния, в которых человек делится личностно-сокровенным или же, напротив, осваивает сторонне-сокровенное;
- символизм душевной чистоты и душевности вообще: состояние, характерное раскованностью, раскрепощающим преодолением эмоциональной отчуждённости между людьми;
- символизм «духовной семейственности»: состояние, которое характерно для взаимоотношения людей в семейных терминах (феномен «братания»).

Т. с., символические программы русского застолья со всеми присущими для них архаическими пластами, восходящими к самым глубинам русской истории, являются концентратом программ взаимоотношения между русскими людьми, и характеризуют русскую культуру сразу во множестве аспектов. Как следствие, и социальное

поведение русских людей, которое нормируется этими символическими программами, является их отображением и, в ограниченном смысле, их функцией (не безличной, разумеется), «живым зеркалом».

Б. Вырожденные формы русского застолья

Как иногда происходит практически с любым феноменом культуры, русское застолье так же может вырождаться; понятно, что вырождается оно до крайних форм бытового пьянства, и так или иначе связанных с ним чревоугодием и блудом (сексуальной неводержанностью): «плотские пристрастия и утехы, совокупно с блудом, в представлении книжника и церковного служителя, обильно произрастали в порочной склонности к пьянству. Обильное застолье, чрезмерное питание, срамные песни и бесовское веселье, возжигающие блудную страсть – единый «комплекс» греховных помыслов и действий. В древнерусских текстах эти грехи устойчиво связываются. Пьянство усугубляет зависимость тела от неводержанности и распущенности ума и души» [Жукова, С. 102].

В этом смысле те формы и то содержание, которое разворачивается при этом вырождении русского застолья прямо противоположны тем формам и содержанию, которые закладываются в здоровое русское застолье с его стремлением к этической и нравственной чистоте и душевной чистоплотности. В этом смысле понятен протест «против тех, кто забыв наставления своих родителей, ударился в разгульную жизнь, начав ходить «на вечерние застолья и на винопитие многое»» [Жукова, С. 104] – это всегда есть протест скорее *духовного и нравственно-этического уровня*, нежели чем телесного (непосредственно-физического): ведь, в самом деле, не так страшно собственно телесная деградация конечного

физического тела, как страшно разложение духовное, в котором происходит забвение заветов «своих родителей» в распущенности «ума и души».

Как следствие, вырождение русского застолья – как по форме, так и по его содержанию – есть вырождение его духовной составляющей: место чистоты нравов тут занимает распущенность и неводержанность, место духовных практик занимает практика порочная, блудная, а место душевности занимает «бесовское веселье».

При этом справедливо, что в современных реалиях традиции русского застолья могут функционировать в духовно-здоровом виде, в первую очередь, в связи с их объемлющими традициями русского Православия, которое своим духом сдерживает и регулирует происходящие в его практике действия и поступки.

7. Заключение

Итак, *русское застолье* есть вместилище символических массивов, то поле, на котором разворачивают действие символические программы русского мышления и социального поведения, – во взаимодействии участников застолья. Ведя свои традиции испокон веков, русское застолье оказывается пространством, в котором происходит консолидация во внутренних контекстах (семейных, родовых вообще, дружеских и пр.) и внешних контекстах (приём гостей-иностранцев, например). Будучи до предела переполнено символизмом (от порядка принятия пищи в зависимости от пола человека и рассадки по ту или иную сторону от хозяина дома до символических моментов в порядке общения и коммуникации вообще). Русское застолье, т. с., оказывается благодарным предметом не только литературоведения, истории и этнологии, но и (социальной) философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки славянской культуры», 2005. – 224 с. – (Studia philologica. Series minor)
2. Жукова, О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. / О.А. Жукова. – М.: ООО «Издательство «Согласие», 2017. – 624 с.
3. Кабакова, Г.И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М.: Форум; Неолит, 2015. – 464 с.
4. Мороз, А.Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах // Традиционное русское застолье. М., 2008, С. 36-43.
5. Топорков, А.А. Стол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 165-170.

© Андриевская Жанна Викторовна (zhandan3@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»